

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА - 2004 г. - 26 июля. - с. 6

Неповторима Зеленая Рина

КУ МИРЫ ПРОШЛОГО

Валентина ТЕРСКАЯ

Старшему поколению повезло в одном - оно имело возможность видеть и слышать великих актеров России - Плятта, Папанова, Раневскую, Алейникова, Райкина, Утесова, Рину Зеленую и многих других, неповторимых и незабываемых. Думается, многим будет интересно узнать, в частности, о моих журналистских встречах с одной из самых талантливых и неповторимых актрис XX века - Риной Васильевной Зеленой...

В детстве и юности я с восхищением слушала ее выступления по радио и на эстраде, а о ее ролях в кино и говорить нечего. Навсегда врезались в память созданные ею образы: в первом звуковом фильме «Путевка в жизнь», домработницы в «Подкидыше», черепашки Тортиллы в «Приключениях Буратино» и, разумеется, миссис Хадсон в «Шерлоке Холмсе».

А потом мне выпало огромное счастье - познакомиться с ней и лично. Оказалось, что она не только оригинальная и самобытная актриса, но весьма своеобразный человек. К тому же с яркой биографией.

Звоню. Трубку берет сама хозяйка. Я представляюсь Рине Васильевне. Тихим от волнения голосом спрашиваю, согласна ли она дать мне интервью. В ответ слышу:

- Я давать интервью не умею. Когда мне под нос суят микрофон, начинаю заикаться и говорю не то, что хотела бы высказать от души. Словом, охотно с вами встречусь, но без микрофона и диктофона, а только при блокноте. Договорились?

После короткой паузы Рина Васильевна своим характерным голосом уточнила:

- Встретимся там, где есть кусты и нет помоек.

С тех пор и я, когда назначаю кому-то встречу, пользуюсь этим выразительным афоризмом. Встретиться мы условились «у истоков Страстного бульвара». Конечно, я пришла пораньше, но оказалось, что Рина Зеленая уже ждет меня. На ней был зеленоватый костюм, на шее косынка, на ногах белые туфли с низким каблучком. На голове белая шляпка-лодочка с цветочками, которые прикрывали уши. Помню все это так отчетливо, словно это было вчера.

На бульваре мы выбрали одну из скамеек. Рина Васильевна извлекла из объемистой сум-

ки (уж не знаю, что она в ней носила) какую-то тряпочку, расстелила на скамейке и только после этого опустилась на нее. Потом извлекла из сумки коробочку с конфетами «Цветной горошек», угостила меня и стала созерцать окружающий пейзаж.

Ее благодушное состояние я нарушила своими вопросами, ради которых, собственно, и встретились со знаменитой артисткой. Вы думаете, она стала на них отвечать? Ничего подобного. Рине Васильевне вдруг показалось, что какой-то мужчина прошел мимо нашей скамейки несколько раз туда и обратно.

- Вот что, дорогуша, - сказала она, - если этот дядька пройдет здесь еще раз, мы быстро уходим. Ты встаешь первая, а я прячусь за тебя. И сейчас давайте перейдем на другую скамью.

Я, конечно, не стала возражать, и мы в течение часа не столько беседовали, сколько «скакали» со скамейки на скамейку. Тем не менее на каждом новом месте люди все равно узнавали Рину Зеленую и старались так или иначе хотя бы визуальное пообщаться с ней. Что-либо записывать в блокнот очень трудно. Отвлекало не столько людское внимание к нам, сколько живость и неординарность речи Риной Зеленой. В конце концов я спрятала блокнот и стала просто слушать, время от времени задавая ей какие-то уточняющие вопросы. Врнувшись домой, я по памяти воспроизвела то, что услышала. Но это были крохи.

Будучи человеком чутким, Рина Васильевна, конечно, понимала, что наша недолгая беседа там, на бульваре, далека от завершения, и пригласила меня к себе в гости на чашку чая и, разумеется, для продолжения разговора.

Жила она недалеко от Чистых прудов в Харитоньевском переулке в старинном, довольно мрачном доме. В назначенный день и час я появилась у нее на пороге. В квартире обитали какие-то чопорные дамы, которые, как мне потом объяснила Рина Васильевна, заведовали ее папками. Так она называла свои архивы.

В огромной комнате, куда меня провела одна из дам, поразили спортивные принадлежности. Видя мое удивление, Рина Васильевна объяснила:

- Спорт всегда был моим увлечением и слабостью. Я занималась гимнастикой, обожала

греблю и мечтала о гоночной лодке - скифе.

Тогда я поняла, что именно занятие разными видами спорта сделало Рину Зеленую такой многогранной артисткой, которая прекрасно владела не только словом и голосом (она ведь и пела), но и телом. Она отлично танцевала, например, чарльстон. По ее собственному выражению, как бешеная. А для этого действительно требуется хорошая физическая подготовка и чувство ритма.

- И еще моим увлечением был бильярд, - сказала Рина Васильевна. - Однажды мне довелось играть даже с Маяковским.

- И как это было?

- Помните, он где-то в стихах о Ленине заметил: «Мне бильярд - отращиваю глаз, шахматы ему - они вождям полезней». Так вот, он играл на бильярде виртуозно. Мне довелось играть с ним в Ялте, когда мы с группой артистов приехали в Крым на гастроли, а он в это время там отдыхал и встречался с читателями. Вообще-то мы познакомились с Владимиром Владимировичем еще в Москве, в Политехническом музее, где он выступал в лектории с чтением стихов. Его низкий голос отличался неповторимым тембром. И держался он удивительно, был полон достоинства и спокойствия. Желая попасть на его вечер было всегда много. В их числе была, конечно, и я. Теперь, когда мы встретились в Ялте, он пригласил меня прогуляться.

- Может, зайдем в бильярдную, - предложил Маяковский. Я разумеется, не возражала.

Мы играли до полуночи, до закрытия. Мне очень хотелось выиграть, но я понимала, что силы наши не равны. Маяковский выиграл две партии, а третью - я. Не знаю, подыграл он мне поджентльменски или нет, но я была довольна и счастлива.

Рине Зеленой довелось жить в одно время со многими известными людьми. И в каждом из них она сумела увидеть то, что оставалось неведомо никому до нее.

- У Юрия Никулина детские глаза, - сказала она, - и человек он необычайно добрый. Всем, кто к нему обращается, непременно помогает, даже лекарство достает. Карандаш - великий клоун. Он в цирке своего рода Станиславский, а ведь играть на арене цирка - не то, что на сцене театра, где артисту и декорация помогает. До Майи Плисецкой не было ничего подобного, и пройдет много лет,

но второй такой все равно не будет. Никогда.

- Была у меня интересная встреча с Николаем Островским, - продолжала Рина Васильевна. - Как-то Рая - жена Островского пригласила меня в гости. Он был уже тяжело болен - прикован к постели и ничего не видел. Я читала ему стихи, и он спросил: в каком классе учится эта девочка? Это было для меня, артистки, высокой похвалой. Значит, я хорошо сумела войти голосом и интонациями в роль.

С волнением рассказывала Рина Васильевна и о концертах фронтовых бригад в годы Отечественной войны, в которых принимала участие.

- Их было столько, что если подсчитать, получится астрономическая цифра. Поляны, землянки, госпитальные палаты, санитарные поезда заменяли нам концертные залы. Ездить тогда приходилось и верхом, и на бронетранспортерах. Мы не знали, что такое усталость. Помню один концерт. Наша группа после выступления осталась ночевать в этой воинской части. Ночью разразилась гроза, и от грома все проснулись, выскочили из палаток, решили, что поблизости рвутся снаряды. Солдат, стоявший на часах, объяснил: «Это не взрывы». Тогда я невольно воскликнула: «Какое счастье, что есть гроза!»

Рина Зеленая вглядывалась в окружающее пристально, внимательно, как и ее юные герои, которых она изумительно озвучивала на эстраде. Не будет преувеличением сказать, что благодаря именно ей мы увидели, что детвора не так проста, как было принято считать. Надо уметь увидеть и услышать ребенка, вду-

маться в то, что он говорит. И этим даром она обладала. По крупицам собирала словечки детей, проникала в их чувства, неожиданное восприятие ими мира взрослых.

Встречаться с Риной Васильевной мне доводилось потом еще не раз. Однажды мы случайно столкнулись в театре на какой-то премьере, а потом - на площади Маяковского. В этом районе ей дали новую квартиру. Встречались мы каждый раз уже как родные.

В одну из таких встреч я между прочим спросила:

- Рина Зеленая - это ваш псевдоним?

- Мою фамилию и в самом деле часто принимают за сценический псевдоним. Это сейчас стало модным, выбирают позвончее, чтобы легко запомнилось. А другие, более осведомленные в истории России, спрашивают, не родственница ли я Одесского градоначальника Зеленого? Был когда-то такой. У отца моего по этому поводу были в свое время большие неприятности. Ему пришлось доказывать свое пролетарское происхождение, чтобы не попасть в число лишенцев, как тогда называли бывших богатееров, которых лишили собственности. А вот имя у меня и в самом деле не настоящее. Произведено оно от того, которое родители дали мне при рождении - Екатерина. «Рина» возникла совершенно случайно. Однажды, когда писали афишу и на ней перечисляли участников концерта, «Екатерина» на листе не уместилась. Вот и ограничили «Риной». С тех пор так и пошло.

Екатерина, может быть, на афише тогда и не уместилась, а вот в памяти россиян эта прекрасная, своеобразная артистка останется навсегда.